

Стихи и музыка Михаила АНЧАРОВА

БАЛЛАДА О ТАНКЕ Т-34,

КОТОРЫЙ СТОИТ В
ЧУЖОМ ГОРОДЕ НА
ВЫСОКОМ КРАСИ-
ВОМ ПОСТАМЕНТЕ

Впереди колонн
Я летел в боях,
Я сам нащупывал цель.
Я железный слон,
И ярость моя
Глядит в смотревую щель.

Я шел, как гром,
Как перст судьбы,
Я шел, поднимая прах,
И автострады
Кровавый бинт
Наматывался на трак.

Я пробил тюрьму
И вышел в штаб,
Безлюдный, как новый гроб.
Я шел по минам,
Как по вшам,
Мне дзоты ударили в лоб.

Я давил эти панцири
Черепаш,
Пробиваясь в глубь норы,
И дзоты трещали,
Как черепа.
И лопались, как нарыв.

Обезумевший слон,
Я давил хрусталь,
Я сейфы сбивал с копыт.
Я слышал, как
Телефоны хрустят,
Размалываясь в пыль.

И вот среди раздолбанных
кирпичей, среди разгромленного
баракла я увидел куклу. Она ле-
жала, раскинув ручки, — символ
чужой любви, чужой семьи... Она
была совсем рядом.

Зарево вспухло,
Колпаз летит,
Масло, как мозг, кипит,
Но я на куклу
Не смог наступить —
И потому убит.

И занял я тихий
Свой престол
В весеннем шелесте трав,
Я застыл над городом,
Как Христос,
Смертию смерть поправ.

И я застыл,
Как застывший бой.
Кровенеют мои бока.
Теперь ты узнал меня? —
Я ж любовь,
Застывшая на века.

Фото А. Комиссарова.

МЫСЛИ ВСЛУХ ОБ АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

● Как-то в квартире у соседей по дому, где мы жили до войны, я нашел книгу, в которой прочел о синкретическом искусстве. И меня поразила мысль, что, оказывается, синкретическое искусство — это когда в одном лице все искусства рядом. Вот оттуда все пошло. Меня поразило, насколько это здорово. Это то, что называется сейчас — театр одного актера. А тут — опера одного актера... Первую песню я написал на стихи А. Грина. Это сейчас Грин всем известен, а тогда его просто никто не знал. Прочитав впервые одному из друзей Грина «Алые паруса», я revel безудой и поклялся, что буду всю жизнь проповедовать этого автора...

Ту песню на стихи из двух его рассказов я сначала пел под фортепьяно, на котором играл, поскольку учился в музыкальной школе, а на гитаре играть не умел, да и сейчас не умею, но все-таки какие-то аккорды освоил. Песню, как ни странно, начали петь другие. Потом какие-то еще песни пошли, мне это дело понравилось... А

когда в начале 1941 года в Москву приехала вдова А. С. Грина Нина Николаевна, та самая, которой посвящены «Алые паруса», — ей сказали, что в Москве есть мальчик, который сочинил песню на стихи ее мужа. Она захотела со мной встретиться. В каком-то доме мы встретились, она послушала песню и... заплакала.

● Песня — интимный жанр. Достаточно одного человека и какого-либо инструмента. Но получается новое, цельное искусство. Человек — цельная личность, а цельной личности необходимо цельное искусство...

Авторская песня, барды, менестрели — игра в ретро. В конце XX века, в самое «машинное» время, человек хочет себя чувствовать и музыкантом, и художником, и поэтом одновременно... Песня жива словом. Музыка — это сопровождение, озвучивание слова. Музыкальное исполнение не должно забивать суть песни.

М. АНЧАРОВ.

Михаил Анчаров знаком читателям как писатель и драматург. И, возможно, в меньшей степени — как автор оригинальных песен. Между тем они звучат в его спектаклях и кинофильмах, они естественно входят в повествование, в сюжет, помогая автору создать соответствующее настроение, выявить характер человека, о котором он пишет, подчеркивая смысл произведения и обостряя чувство.

Песни для М. Анчарова, конечно, не главное «дело» жизни, хотя они в свое время и завоевали любовь многих слушателей, и его нужно считать одним из первопроходцев жанра авторской песни.

Как мы помним, и Владимир Высоцкий, обратившись к гитаре, на первых порах охотно исполнял песни М. Анчарова, в частности «МАЗов», и, думается, в своих песнях, которые написаны в основном позже анчаровских, не избежал его заметного влияния.

то победно ликующим, то трагическим. А в песне о солдате, вернувшемся с войны безногим, он приглушен, переходит почти на шепот.

Анчаров и сам нередко перед исполнением какой-то песни как бы предупреждает слушателей о том, что их ждет. Так, между исполнением «Баллады о танке Т-34» и песенкой «Кап-кап» он говорит: «Чтобы поряд не кричать...»

И вот пошли грустные и задумчивые слова:

День проходит без следа.

Кап-кап.

Ночь проходит — не беда.

Кап-кап.

Между пальцами года

Просочились — вот беда.

Между пальцами года —

Кап-кап.

Трогательная, может быть, даже сознательно наивная интонация, но смысл, прямо скажем, философский.

У многих известных мне бардов стихи все-таки на уровне самодеятельности — и вкус им

нередко изменяет, и такт, и мастерство подводит.

Профессионализмом отличаются очень немногие — Н. Матвеева, Б. Окуджава... Любопытно высказывание Н. Матвеевой — она очень четко разграничивает стихи и песню: «Я сразу стихи пишу, как стихи, а песню — как песню». И далее замечает, что в песне должно быть «больше простоты».

Песни М. Анчарова отличаются и тактом, и вкусом, и профессионализмом.

И хотя стихи для него почти хобби (он и в прозе и в драматургии — поэт), к поэзии он относится очень серьезно:

Поэзия — такое дело,

Она для правильных людей.

Правильных — в смысле хороших, добрых, настоящих. Ведь и героями его песен являются настоящие люди, пусть и не очень заметные, вроде маленького организма...

Песни Михаила Анчарова очень разнообразны, в них романтика совмещается с сугубо прозаическими, бытовыми подробностями, суровое и героическое — с милым и грустным, трагическое — со смешным.

Но и печальные и трагические ноты его песен несут свет и доброту таланта, его песни звучат, «для весны прорубая проходы».

Чувство сочувствия, справедливости, трогательное внимание к добрым людям — вот что делает поэзию М. Анчарова особенно привлекательной, действенной, получающей отклик в сердцах слушателей и читателей.

Николай СТАРШИНОВ.

«ДЛЯ ВЕСНЫ ПРОРУБАЯ ПРОХОДЫ...»

Я слушал многих бардов. Были у них и удачные песни. Но не было главного, очень важного для поэзии и вообще для искусства.

У М. Анчарова своя интонация и в прозе, и в стихах, и в манере исполнения, свое, анчаровское обаяние. Песни его, несмотря на разнообразие тем, настроений и целей, имеют одну душу, добрую и мужественную.

Вот почти патетическая «Баллада о парашютах», которая очень к лицу ему, солдату Великой Отечественной войны:

Парашюты рванулись
И приняли вес.
Земля колыхнулась едва.
А внизу — дивизия
«Здальвейс»
И «Мертвая голова».

Автоматы выли,
Как суки в мороз,
Пистолеты били в упор.
И мертвое солнце
На строплах берез
Мешало вести разговор.

Так же мужественно, сурово, драматично звучит и «Баллада о танке Т-34», включенная в повесть «Этот синий апрель».

Танк, как «железный слон», давит на своем пути все, что попадает ему под гусеницы. Но когда перед ним в обломках оказалась кукла, он не смог ее раздавить, как счастье «чужой семьи», остановился и поэтому сам погиб.

М. Анчаров — очень добрый человек, очень человечный. Поэтому и танк погибает у него, как доброе живое существо, и оказывается на пьедестале, как символ любви:

Я ж любовь,
Застывшая на века.

При исполнении военных баллад голос Анчарова становится